

Гунши выстроились в три колонки и один за другим вошли в зал. Большинство из них были молоды и красивы, а их манеры и осанка — безупречны. С первого взгляда могло показаться, что они явились на конкурс красоты.

Однако самым ярким оказался мужчина, стоявший в самом центре первого ряда. Лицо его было подобно нефриту, брови — словно срисованы с картины, а в центре лба сиял цветок пиона, источая ослепительное великолепие. Его изящество и благородство не знали себе равных.

Он стоял на месте хуэйюаня — занявшего первое место на Столичном экзамене. По правую и левую руку от него располагались второй и третий призеры экзамена соответственно.

Сюй Чжиюй занимал восьмую строчку и стоял в центре третьего ряда. Вокруг него — спереди, сзади и по бокам — находились такие же молодые таланты, чья внешность ничуть не уступала его собственной, но при этом они обладали куда большим задором и юношеской амбициозностью, отчего казались еще более заметными.

Из-за этого Сюй Чжиюй выглядел несколько мрачным и приглушенным, а его яркость померкла. К тому же впереди блистал ослепительный Ли Хуаймин, так что Лу Гуйюань с первого взгляда даже не смог его отыскать.

— ..... — промолвил Лу Гуйюань.

— ..... — отозвалась Система.

— Система, — мысленно позвал Лу Гуйюань, — где обещанный хуэйюань? Где обещанная первая красавица Поднебесной?

И с какой стати Ли Хуаймин, которого по книге и близко не должно быть, который даже не заслужил имени и считался бы простым прохожим, вдруг оказался здесь и получил звание хуэйюаня?

Система тоже была в полном замешательстве, совершенно не понимая, почему тщательно выверенный сюжет свернул не туда.

Смириться с этим Система не собиралась: любое отклонение от сюжета означало потерю контроля, а ей необходимо было любой ценой вернуть дальнейшее развитие событий в прежнее русло.

Сквозь зубы она процедила:

— Не хуэйюань — и ладно, лишь бы стал чжуаньюанем. Запомни: ты обязан изобразить крайнюю одержимость главным героем-шоу. В конце ты непременно должен лично назвать его

чжуаньюанем.

— Угу, угу, угу, — рассеянно отозвался Лу Гуйюань.

В этот момент евнух из церемониального приказа объявил о начале церемонии. Облаченные в белые ланьшани с черной окантовкой, гунши дружно, с глубоким почтением и строгим благоговением совершили земной поклон воссевшему на троне монарху.

На фоне остальных Ли Хуаймин выделялся еще сильнее. Если прочих гунши можно было сравнить со стаей белых журавлей, то он выглядел белым фениксом, затесавшимся среди них, и неизменно приковывал к себе все взгляды.

Вот он, точно так же, как и другие экзаменуемые, почтительно отвесил императору земной поклон. Каждое его движение было грациозным, исполненным достоинства и безупречным. Волосы полностью убраны под конфуцианскую шапку-цзюнь, а когда он склонил голову в поклоне, обнажился изящный изгиб длинной шеи. Кожа его была столь белой, что казалась излучающей слабое сияние, ослепившее Лу Гуйюаня.

Поднимаясь с колен, Ли Хуаймин на мгновение вскинул голову и бросил взгляд на сидевшего на троне императора. Уголки его губ чуть приподнялись, являя миру легкую улыбку, а влажные глаза с персиковым блеском таили в себе бескрайнюю нежность. Этот взгляд разинул бесчисленные невидимые крючки, которые разом впились в самую душу Лу Гуйюаня.

Лу Гуйюань смотрел на него во все глаза, потеряв дар речи.

Придворные экзаменаторы тоже невольно залюбовались. Лишь спустя мгновение они очнулись от наваждения, а когда взглянули на восседавшего на троне повелителя, похожего на голодного волка, готового наброситься на добычу сладострастника, лица их тут же позеленели.

— Кхе-кхе-кхе! — Великий наставник Ян громко кашлянул, призывая императора взять себя в руки.

Император опомнился, ошеломленно моргая, и машинально провел рукой по рту — к счастью, слюней на подбородке не оказалось. Однако лица сидевших внизу чиновников стали еще мрачнее.

Система с досадой заговорила, отчитывая его:

— Почему ты вечно пялишься на этого Ли Хуаймина вместо Сюй Чжияя?! Подумаешь, смазливый мордашка! Побываешь еще в нескольких мирах — каких только красавцев не повидаешь! Хватит вести себя как деревенщина, который отродясь никого красивее не видел, позор!

Лу Гуйюань оскорбленно возразил:

— Но он же и правда невероятно красив! Видел? Он ведь мне улыбнулся. Ци-цзай, скажи честно, он что, специально меня соблазняет?

— Не называй меня Ци-цзаем! И вообще — чушь. Он соблазняет вовсе не тебя, а того человека, чей образ видит сквозь тебя! — со злостью выпалила Система. — Оставь надежды! Его сердце уже кому-то принадлежит, а ты — всего лишь замена! Хватит возиться, давай двигай сюжет.

По сюжету Юй Сюань с первого взгляда воспылал страстью к Сюй Чжиюю, а затем, используя служебное положение в личных целях, вызвал его вперед и стал допытываться всякой чепухи. Долго-долго задавал бессмысленные вопросы, а в его глазах так и читалось сладострастное вождение, выдававшее его алчность по отношению к Сюй Чжиюю.

Теперь Лу Гуйюаню предстояло действовать строго по сценарию, поэтому он произнес:

— Кто тут сын первого министра Сюй, Сюй Чжиюй?

Лицо Сюй Чжиюя побледнело еще на оттенок. Про себя он обреченно подумал: ну вот, опять. Даже несмотря на то, что он нынче не хуэйюань и далеко не самый красивый из присутствующих, ему все равно не суждено избежать участи стать жертвой похотливого правителя.

Он глубоко вздохнул, закрыв глаза, с прежним спокойствием шагнул вперед и почтительно поклонился императору.

— Подними голову, дай мне взглянуть, — приказал император.

Лицо Сюй Чжиюя побелело еще на два оттенка. Медленно подняв голову, он все же не смел прямо смотреть на правителя Поднебесной.

Лу Гуйюань посмотрел на него и не почувствовал абсолютно ничего. Он даже не стал прислушиваться к Системе, которая вновь принялась зудеть о том, что нужно изобразить в глазах вождение — он просто был не в силах это сыграть. Совершенно механически он уже собрался произнести реплику Юй Сюаня, как вдруг Ли Хуаймин неожиданно поднял голову и бросил на Лу Гуйюаня взгляд, в котором смешались обида и упрек. Его и без того ослепительно прекрасное лицо стало еще более живым, а цветок пиона меж бровей словно качнул лепестками.

Лу Гуйюань замер от изумления. Заготовленные слова вылетели у него из головы, и с языка сорвалось помимо воли:

— Цветок пиона у тебя между бровей так красив.

Сюй Чжиюй, терпеливо ждавший вопросов от императора, остолбенел.

Чиновники тоже замерли.

Остальные экзаменаторы невольно подняли головы, чтобы взглянуть на безупречно чистый лоб Сюй Чжиюя, где не было и намека на родинку или узор. Затем они попытались украдкой глянуть на Ли Хуаймина, помня, что пион красовался только у него, но Ли Хуаймин стоял на коленях в самом первом ряду, и разглядеть его было невозможно.

Зато сидевшие на возвышении сановники все отлично видели и невольно поморщились.

Сам же Ли Хуаймин, казалось, ничуть не смутился всеобщему замешательству. Словно император с самого начала вызвал к ответу именно его, он ответил с безупречной почтительностью:

— Благодарю Ваше Величество за похвалу.

Кто-то из консервативных чиновников тут же возмутился:

— Дворец экзаменов — место строжайшее, с какой стати хуэйюань нарисовал между бровей цветочный узор, словно какая-то девица? До чего же неподобающий внешний вид! Ли Хуаймин невозмутимо произнес:

— Ваше Величество и господа, вы не знаете: Пион между бровей ученика — это не цветочный узор, а родимое пятно, тело, волосы и кожа получены от родителей, я не смею их уничтожать, и я не намеренно выгляжу неопрятно, как женщина с цветком на лбу, пожалуйста, Ваше Величество, не гневайтесь.

Лу Гуйюань торопливо заговорил:

— Не виню, не виню! Нигде не написано, что цветы меж бровей могут быть только у женщин. Если Хуэйюань в будущем захочет сменить узор и прилепить между бровей хоть сливу, хоть лотос — да хоть любой другой цветок, — пусть делает что хочет.

Уголки губ Ли Хуайминя изогнулись в ослепительной, невероятной красоты улыбке, а голос прозвучал мягко, словно мартовский ветерок:

— Благодарю за милость, Ваше Величество. Только вот студент не любит украшать лицо цветочными узорами, да и считает, что пион на его лбу и без того очень красив.

Лу Гуйюань вновь невольно засмотрелся. В его памяти всплыл тот день в теплых покоях, когда Ли Хуаймин послушно задира подбородок, позволяя разглядеть пион между бровей. Красотой он превосходил любые цветы, и император подсознательно вымолвил:

— О, я тоже считаю, что пион — прекрасный цветок.

Все остальные:... Почему-то в атмосфере, которая по всем правилам должна была оставаться

сугубо официальной, с каждой секундой росло всё более странное и щекотливое ощущение?

Сюй Чжияй, которого император полностью проигнорировал:...

Система с упреком напомнила:

— Хозяин, задание!

Опомнившись, Лу Гуйюань собрался продолжить допрос Сюй Чжияя, но внезапно понял, что забыл слова. Что там вообще полагалось говорить?

Он попытался сосредоточиться, но в голове стоял образ улыбающегося Ли Хуаймина. Ладно, к черту раздумья, можно просто бросить пару дежурных ободряющих фраз и объявить о начале императорского экзамена. Система была в ярости.

Настроение Сюй Чжияя было сложным: в прошлой жизни всё было совсем иначе, и теперь он глубоко переживал за Ли Хуаймина.

Придворные и участники экзамена тоже видели, что император всем сердцем привязан к Ли Хуаймину.

Но они не считали, что Ли Хуаймин околдовал императора. Напротив, они испытывали сочувствие к этому Хуэйюаню, чья красота и таланты поражали воображение, и лишь надеялись, что император сдержит слово и не заставит благородного и красивого мужчину, состоящего на государственной службе, становиться наложником в императорском гареме. Ли Хуаймин держался с достоинством и строгостью, вел себя независимо и с достоинством — было очевидно, что это император предавался страсти и сладострастию, не сводя глаз с Хуэйюаня.

По сюжету Юй Сюань из-за одержимости красотой Сюй Чжияя не мог оторваться от него на протяжении всего Дворцового экзамена и зачарованно наблюдал за тем, как тот пишет экзаменационную работу, прямо в Зале Сюаньчжэн.

Теперь и Лу Гуйюань, следуя сюжету, должен был остаться в Зале Сюаньчжэн, однако он то и дело бросал взгляды на Ли Хуаймина: взглянет, отведет глаза, снова взглянет и снова отведет. Вылитый одержимый поклонник.

Система не могла на это смотреть: — Уходи лучше отсюда. Боюсь, если ты останешься дольше, твой образ персонажа, безумно влюбленного в главного героя-омегу, окончательно разрушится. Впрочем, он и так уже давно разрушился.

— Ох. — Медленно и крайне неохотно поднявшись с места, Лу Гуйюань всё же нарочно прошел мимо Ли Хуаймина. Ли Хуаймин — то ли нарочно, то ли случайно — взмахнул левой рукой, и широкий рукав его одежды легко скользнул по плечу Лу Гуйюаня.

Лу Гуйюань: «.....»

Всю дорогу из Зала Сюаньчжэн Лу Гуйюаню казалось, будто его ноги ступают по облакам, а сам он словно плывет по воздуху.

Система кипела от злости.

После Столичного экзамена наступал этап проверки работ: сановники просматривали свитки, отбирали десять лучших, набравших больше всего отметок, и представляли их Императору,

чтобы тот окончательно определил места.

Лу Гуйюань взял со стола свитки и без всяких имен на обложке сразу понял: самый верхний принадлежит Ли Хуайминю.

Внимательно прочитав сочинение Ли Хуайминя и работы остальных девяти финалистов, он был вынужден признать: звание чжуаньюаня по праву принадлежит Ли Хуайминю. Тот действительно превосходил остальных на голову, в то время как остальные девять участников шли примерно наравне.

Система тут же выскочила с предупреждением:

— Не забывай о своей сюжетной задаче, статус чжуаньюаня должен достаться только главному герою!

Но стоило Лу Гуйюаню представить опечаленное и разочарованное лицо Ли Хуайминя, который упустил бы заветное звание, как его сердце сжалось от невыносимой боли.

Неизвестно почему, но у него упорно жило ощущение, будто сама судьба задолжала Ли Хуайминю этот титул чжуаньюаня и тот заслужил его сполна. Если бы он не отдал первое место Ли Хуайминю, то сожалел бы об этом до конца своих дней.

Он твердо заявил:

— Нет, этот чжуаньюань должен достаться именно Ли Хуайминю.

Тогда Система пригрозила главным козырем:

— Не забывай, зачем ты здесь: ты собираешь энергию, чтобы вернуться и спасти Главного бога. Главный бог — твой родной брат, твой единственный близкий человек, разве он не важнее какого-то Ли Хуайминя?

Лучше бы она не упоминала Главного бога. Стоило тому всплыть в памяти, как Лу Гуйюань мысленно сравнил безликое выражение лица Главного бога с миловидным личиком Ли Хуайминя — и внезапно лицо Главного бога показалось ему еще более отталкивающим, а решимость сделать Ли Хуайминя чжуаньюанем только укрепилась.

— Разве ты не говорила, что главный герой-подопечный — это первый красавец и талант Поднебесной? Да Сюй Чжуй и мизинца его не стоит! По-моему, это ты перепутала человека. Настоящий главный герой-подопечный — это Ли Хуайминь, и чжуаньюань должен достаться ему.

Не успев договорить, он уже взял кисть с красными чернилами и прямо на работе Ли Хуайминя вывел два иероглифа: «чжуаньюань». А чтобы ничего не сорвалось, поверх поставил личную печать — теперь уж точно никто не посмеет отнять звание лучшего у брата Миня.

Система не успела помешать и чуть не захлеблась кровью от злости. Глядя на то, как эта наглая физиономия еще и самодовольно ухмыляется, напоминая хаски, которая разнесла весь дом, а потом смотрит на хозяина так, будто это он сам виноват, что запер пса в четырех стенах, Система была готова разmozжить ему собачью голову.

Но не смела.

Даже если тигр посажен в клетку и крепко спит, он всё равно остается хищником, а не превращается в послушного домашнего пса, поэтому ей оставалось лишь утереться, проглотить обиду и пойти на уступки, изо всех сил пытаясь уберечь сюжет от полного краха.

— Главный герой-подопечный обязан войти в первую тройку лучших, и ты должен будешь заточить его во внутренних покоях дворца по сюжету. Что же до Ли Хуайминя — этот человек станет лишь помехой для твоих заданий, поэтому отправь его чиновником в самые отдаленные от столицы земли.

<http://bllate.org/book/21607/2228554>